

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ...

22 ИЮН 1971

«ПОЛЯНАЯ ПРАВДА»
г. Мурманск

Летом 1941 года актеры Мурманского областного театра, как всегда, получили отпуск. Правда, уехали не все. Небольшая группа во главе с актером Доновым составила концертную бригаду и должна была в течение трех—четырёх недель обслуживать концертами рыбаков побережья. Как раз в этот момент и пришло известие о внезапном нападении фашистской Германии на нашу страну.

Мы сразу же почувствовали себя мобилизованными и, не дожидаясь повестки, отправились в военкомат, но нам сказали, что пока нас нигде отправлять не будут: «Вы нам здесь понадобятся. Будете обслуживать воинские части, госпитали и труженников тыла».

И вот наш первый концерт на Жилстрое в школе, превращённой в военный госпиталь. Уже стали поступать с фронта первые партии раненых...

Нам порой казалось, что людям в эти суровые дни не до искусства. Но наши сомнения быстро рассеялись. Мы видели, как неохотно расставались с нами раненые, и понимали, что мы лужбы этим людям, т. к. облегчаем их страдания, вселяем в них уверенность в свои силы.

Много было страшного, тяжёлого. Но быди минуты, о которых и сейчас нельзя вспомнить без улыбки. Както, в первые дни войны, мы выступали перед зенитчиками. После концерта ко мне обратился артист Владимир Филиппов (ныне заслужен-

ный артист РСФСР) и попросил меня сказать несколько слов зенитчикам. Волнуясь, я выступил перед бойцами и сказал:

— Если потребуется, мы сменим свое искусство на боевое оружие и танки возьмем зенитку в руки...

Дальше мне не удалось сказать ни единого слова. Взрыв смеха потряс воздух (мы давали концерт в воинской части на открытом воздухе). В первое мгновение я не понял, над чем смеются. Я тогда еще не знал, что зенитка — орудие, и представлял ее себе чем-то наподобие ручного пулемета или автомата. Тогда же я впервые увидел это орудие и сам над собой посмеялся. С тех пор в течение многих лет товарищи подтрунивали надо мной:

— Ну что, Миша, возьмем зенитку в руки?

...Припоминаются первые выступления на военных кораблях Северного флота, где нам повезло встретиться с композиторами Борисом Терентьевым и Евгением Жарковским. Здесь они служили, здесь создавали лучшие свои песни.

Очень хорошо принимали моряки песни «В бой идут матросы», «Слава флоту», «Песню о бушлате» (на слова Н. Флерова), «Расставание» (на слова А. Жарова), «Прощайте, скалисты горы» (на слова Н. Букипа) и другие. Все эти песни были взяты нами на вооружение, мы исполняли их на фронте и в тылу. Позже эти песни стали широко известны и прозвучали на всю нашу страну.

Небезынтересно вспомнить нашу вылазку к передовым

отрядам морской пехоты. Дорога к ним была сложна, путь полон опасностей. Пробирались мы к ним ночью в осеннее время, буквально по-пластунски, т. к. места были открытые и простреливались. Все мы предвзвешенно прошли военную подготовку, и даже наши женщины научились обращаться с оружием.

Никакой надежной площадки, даже на открытом воздухе, не было, а потому пришлось выступать одновременно в нескольких землянках. Нередко после таких концертов командиры отрядов отдавали своим бойцам (тут же, при нас) на боевое задание.

Всего за время войны мы дали 1750 концертов — выступали на передовой, в госпиталях, в бомбоубежищах.

Разве забудешь эти трудные военные годы, когда шагали рядом жизнь и смерть, вокруг рвались снаряды и бомбы! Я помню наши спектакли в бомбоубежище, которые часто ставились в дружестве с авторами — К. Симоновым, И. Штоком.

Моя память хранит много интересного, но всего не расскажешь в одной газетной заметке. И все же хочется рассказать об одном очень характерном эпизоде.

Было это в первый год войны. Помню, ставили пьесу Дыховичного «Шумят леса». Не хватало актеров на мужские роли. Пришлось играть и нашему гримеру Косте Ульянову (ныне здравствующему и работающему в областном драма-

тическом театре), и художнику Бернацкому (ныне покойному), и на мою долю выпала честь в этом спектакле сыграть две роли. В первом акте я избрался Яшку-парикмахера, а в последнем — карателя-фашиста, который ставит своей жертве—партизану яблочко на голову и собирает стрелять. Внезапно, как раз в этот напряженный момент, из зрительного зала грянул выстрел, и над самым ухом моим провистела пуля. Я с перепугу упал. Дали занавес.

Оказалось, что в зале находилась небольшая группа бойцов, прибывших с передовой на два дня в Мурманск. Их ненависть к врагу была настолько сильна, что они забыли на миг, что на сцене не настоящие фашисты, а актеры! Артист Филиппов, который подбежал ко мне первым, сказал:

— Ведь это здорово, что в тебя стреляли! Значит, ты по-настоящему сыграл этого изверга-фашиста. Это — высшая награда тебе.

— Спасибо за такую награду, — сказал я с дрожью. — Меня чуть не убили.

— Ну и что ж, — пошутил поддержав разговор артист Додонкин. — Искусство требует жертв!

...Нелегки были в дни войны дороги искусства, но то, что в трудный для Родины час музы не молчали, а с успехом служили общему делу, способствовали нашей победе, еще раз говорит о могучей, непобедимой силе духа советского народа.

М. ГРИНБЕРГ.